

© 2024 г.

Р.Г. БРАСЛАВСКИЙ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ И МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕКОНФИГУРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

БРАСЛАВСКИЙ Руслан Геннадьевич – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (r.braslavsky@socinst.ru).

Аннотация. В статье предлагается реконструкция современной социологической теории, отводящая центральное место цивилизационному анализу. В конце XX в. попытки решения агентностно-структурной проблемы привели к формированию метатеоретической дилеммы между позициями взаимного конституирования и аналитической автономии, оттеснившей на второй план традиционную дилемму индивидуализма и холизма. Конститутивистское решение снимало дихотомию агентности/социальная структура в реляционной концепции власти. Автономистское решение опосредовало ее, опираясь на аналитическую концепцию культуры. Цивилизационный поворот сводит эти линии метатеоретической реконцептуализации социологической проблематики, фокусируясь на отношении культуры с властью. Разработанная в рамках социологической версии цивилизационного подхода модель соотношения «измерений» и «сфер» социальной жизни сочетает метатеоретические позиции аналитической автономии и взаимного конституирования.

Ключевые слова: цивилизационный анализ • современная социология • аналитическая автономия • взаимное конституирование • культура • власть

DOI: 10.31857/S0132162524040042

В настоящее время бытуют два нарратива о возвращении в научный дискурс понятия цивилизации во множественном числе. Доминирующий нарратив относит возрождение цивилизационного подхода ко времени окончания холодной войны, усматривая в нем «ответ на дезинтеграцию биполярного послевоенного миропорядка» и «реакцию на современный опыт глобализации» [Конрад, 2018: 222]. В этих рамках вклад С. Хантингтона («Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка», 1996) признается решающим в реактивацию цивилизационного подхода в 1990-е гг. Популяризованная Хантингтоном версия представляла собой возвращение старых стратегий интерпретации. Однако она сформировала однобокий стереотипный образ всей области современного цивилизационного анализа. Признанный в политическом дискурсе он подвергается критике в академической среде за «культурный эссенциализм» в теоретическом и «культурный расизм» в идеологическом планах¹. Альтернативой является нарратив о «циви-

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-18-01067.

¹ Среди российских исследователей показательны в этом отношении работы В.А. Шнирельмана (напр.: [Шнирельман, 2011: 89, 293, 375–384]).

лизационном повороте» в социологии, берущем начало в середине 1970-х гг. Сторонники этого нарратива указывают на необоснованное смещение разных версий цивилизационного подхода в модели самодостаточных локальных цивилизаций, преувеличивающей культурную гомогенность и закрытость каждой отдельной цивилизации и игнорирующей историю их трансформаций и взаимодействий.

В действительности оба цивилизационных метанарратива скорее дополняют друг друга, поскольку относятся к разным традициям цивилизационного анализа в социальных науках. Одна традиция, получившая название *метаисторической*, восходит к Н.Я. Данилевскому, О. Шпенглеру, А. Тойнби и разрабатывалась главным образом историками, антропологами, культурологами (А. Кребер, Р. Кулборн, К. Куигли, Ф. Бэбби, О. Андерле, М. Мелко). Традиция *социологическая* заложена в начале XX в. в работах М. Вебера и Э. Дюркгейма с М. Моссом и возрождена после тридцатилетнего перерыва в последней четверти прошлого столетия. Инициаторами цивилизационного поворота в социологии 1970-х гг. стали Б. Нельсон и Ш. Эйзенштадт, которые обратились к теории и сравнительной истории цивилизаций. Эта линия анализа получила продолжение в работах Э. Тирикьяна, С. Аржоманда, Я. Крейчи, Т. Хаффа, Р. Коллинза, Дж. Смита и других социологов. С конца 1960-х гг. начался постепенный рост признания идей Н. Элиаса после переиздания на немецком языке и выхода английского перевода его труда «О процессе цивилизации», впервые опубликованного в Швейцарии в 1939 г. Заложенные в нем идеи Элиас развивал на протяжении всей своей долгой жизни и на ее позднем этапе имел ряд последователей – Й. Гудсблом, Р. Килминстер, С. Меннел, К. Боутерс, Р. Ван Крикен и др. В начале XXI в. значимый вклад в развитие и консолидацию формирующейся социологической парадигмы цивилизационного анализа внес Й. Арнасон².

Цивилизационный поворот в социологии часть более или менее радикального пересмотра ее концептуальных оснований на волне распада так называемого ортодоксального консенсуса, сложившегося в середине XX в. под доминирующим влиянием структурного функционализма. В статье предлагается реконструкция метатеоретической реконфигурации в современной социологии, преследующая двойную цель. (1) Обосновать центральную позицию цивилизационного анализа в постановке и решении ключевой концептуальной дилеммы социологического теоретизирования последнего времени. (2) Прояснить метатеоретические основания консолидации социологической программы цивилизационного анализа, представленной двумя основными направлениями: теорией цивилизационных комплексов и теорией процессов цивилизации.

Реконцептуализация социологической проблематики: дилемма автономизма и конститутивизма. Метатеоретические основания социологии, характеризующие ее конститутивное «единство в разнообразии», лучше всего определяются термином «проблематика», под которой понимается «констелляция тем, проблем и перспектив, открытая для различных и часто противоречивых интерпретаций» [Арнасон, 2017: 63]. Проблематика конкретной социальной науки может быть описана как двухуровневая структура, состоящая из категориальных дистинкций (различений) и концептуальных диспозиций (отдельных точек зрения). Категориальные дистинкции – это полихотомические сочетания основных понятий, описывающих предметную область данной науки. В социологии ключевые дистинкции традиционно касаются соотношения индивида и общества и, как правило, принимают вид понятийных пар (дихотомий), напр., «агентность/социальная структура», «действие/социальная система», «микро/макроуровень» и т.д. Концептуальные диспозиции заключают в себе противоположные ответы на вопросы, порождаемые сочетаниями основополагающих понятий, и выражаются метатеоретическими полилемами, чаще всего дилеммами – «методологический индивидуализм vs холизм», «рационализм vs институционализм», «социологический номинализм vs социологический реализм»

² О концепции цивилизационного анализа Й. Арнасона в отечественной литературе см.: [Масловский, 2012; Титаренко, 2022].

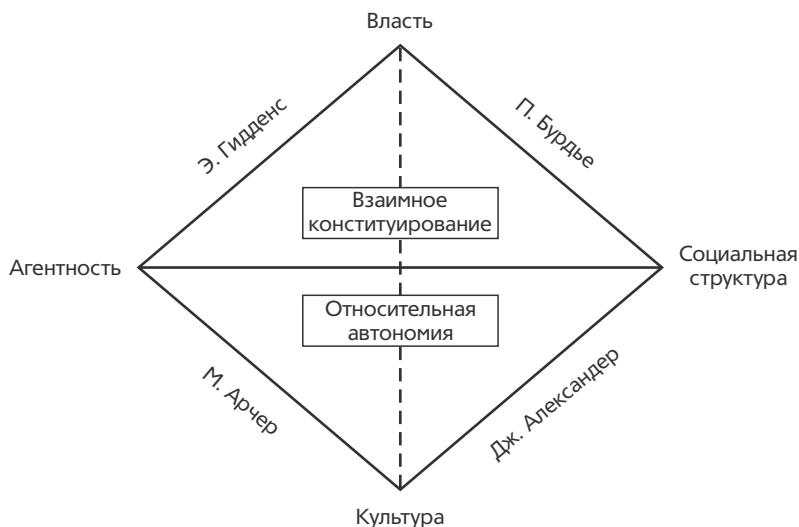

Рис. 1. Метатеоретическая реконфигурация в современной социологии

и другие -измы. Проблематика трансмутирует, когда в фундаментальную онтологическую схему данной науки вводится новая аналитическая категория, ведущая к реконфигурации прежних понятийных дистинкций и переформулированию концептуальных диспозиций.

В социологической теории последней четверти XX в. произошел фундаментальный сдвиг. Ортодоксальная социологическая дилемма *индивидуализма* и *холизма* с её главной понятийной оппозицией «агентность/социальная структура» (см., напр.: [Шубрт, 2013]) была оттеснена на второй план метатеоретической дилеммой *автономизма* и *конститутивизма*, соотносимой, в свою очередь, с понятийной дихотомией «культура/власть». Тематизация и проблематизация отношения культуры и власти проявилась в результате попыток решения агентностно-структурной проблемы в двух параллельных направлениях. Одним стала реляционная концепция власти, снимающая данную дихотомию, другим – аналитическая концепция культуры, опосредующая ее. Первое решение соответствует метатеоретической позиции взаимного конституирования (*mutual constitution*), представителями которой являются П. Бурдьё и Э. Гидденс, второе – аналитической автономии культуры, отстаиваемой последовательно, хотя с существенными различиями аргументации Дж. Александером и М. Арчер [Olick, 2010: 98]. Оба решения отвергают доминировавший в социологии субстантивистский взгляд на социальную реальность как состоящую из предзаданных самостоятельных сущностей, взаимодействующих между собой [Олик, 2012: 45].

Сложившиеся в «обоюдоконститутивистском» и «аналитико-автономистском» метатеоретических лагерях противоположные подходы к преодолению дихотомии «агентность/структура» обозначили новый фокус социологической проблематики на соотношении категорий культуры и власти (рис. 1). Хотя эти понятия традиционно входят в число основных в социологии, их разработка долгое время велась преимущественно в рамках редукционистских подходов, отдавших предпочтение одной из них за счет другой. Так, власть и культура оказались разведены по разным макросоциологическим парадигмам – «конфликта» и «консенсуса» соответственно. К середине 1970-х гг. ставшая многим очевидной исчерпанность теоретизирования в этих рамках вывела на первый план проблематику соотношения культуры и власти – как новую центральную ось теоретического синтеза в социологии [Йоас, Кнёбль, 2011: 289]. В это время в социологии и произошло «возрождение» цивилизационного анализа, для которого эта тематика изначально была ключевой.

Власть и культура в цивилизационном анализе: от конститутивизма к автономизму и обратно. В структуре современного цивилизационного анализа в социологии выделяют три основных направления: *процессуальное, интегративное и реляционное*, возглавляемые соответственно Н. Элиасом, Ш. Эйзенштадтом и Й. Арнасоном [Smith, 2017: 28–29]. Каждого из них отличает свой акцент интерпретации ключевой дихотомии цивилизационного анализа «культура/власть». Для Элиаса характерна исключительная поглощенность феноменом власти при «явном отсутствии интереса к культурным рамкам – конфигурациям смысла, которые входят в создание социальных структур». Эйзенштадт, напротив, центральное место отвел культуре, и, хотя властные констелляции не остаются без внимания, общий вопрос о власти как конститутивном компоненте цивилизационных формаций им не ставится [Arnason, 2015: 150–151]. Арнасон придерживается более сбалансированного взгляда на явления культуры и власти, фокусируясь на их взаимопереплетении как фундаментальной характеристике социально-исторического мира [Арнасон, 2017: 55].

Разработанное Элиасом конститутивистское понятие фигурации было призвано снять противоположность категорий индивида и общества в реляционной концепции власти. Власть в этой концепции понимается, с одной стороны, как общая трансформирующая способность человеческого действия, а с другой – как сеть асимметричных отношений между акторами. В фигурационной социологии Элиаса реляционная онтология неразрывно связана с процессным подходом к социальной реальности. Понятие фигурации акцентирует во взаимопереплетениях акторов не столько соотношение их сил на данный момент, сколько градиент власти – динамическую характеристику, показывающую направление смещения властного баланса в ту или иную сторону: «фигурация – это баланс власти в процессе изменения» [Арнасон, 2017: 54].

Согласно Дж. Олику, интегральная «процессо-реляционная» методология фигурационной социологии Элиаса служит наиболее последовательным воплощением обоюдоконститутивистской метатеоретической позиции [Олик, 2012: 45], поскольку рассматривает «структурное и агентностное измерения как исторически, а не философски возникающие» [Olick, 2010: 107]. Однако в действительности редуцирующая «к власти» стратегия фигурационной социологии ставит новые ограничения на пути достижения последовательной конститутивистской позиции. Ключевое реляционное понятие власти Элиаса обостряет вследствие своего всеохватывающего и антифункционалистского характера проблему роли культуры в конституировании социальных формаций. По мере того как категория власти расширяется для объяснения всей сложности, вкладываемой Элиасом в понятие фигурации (включающего в себя наряду с отношениями между людьми также отношения между людьми и природными объектами), «ее открытость к культурным определениям становится все более очевидной» [Арнасон, 2021: 107]. Но в творчестве Элиаса развитие проекта фигурационной социологии приняло исключительно одностороннее направление и достигло кульминации в модели трех основных видов контроля, согласно которой уровень развития данного общества зависит от его способности контролировать динамику внешней природы, социальной жизни и индивидуального поведения [Elias, 1978: 156–157]. Очевидно, применение этого общего критерия к трем различным, но взаимосвязанным областям означает нивелирование всех культурных различий и, по сути, возвращает Элиаса на позицию, близкую к функционализму, от которого он стремился уйти.

Арнасон выявляет культурные предпосылки нейтрализующей культуру обобщенной теории власти Элиаса в гипертрофированной приверженности идее человеческого овладения миром при забвении идеи человеческой автономии – двух неразрывно взаимосвязанных, но амбивалентных культурных ориентаций, вкупе образующих «двойное воображаемое значение» (К. Касториadis) модерности как «новой особой цивилизации» (Ш. Эйзенштадт). Тем самым пример теории власти Элиаса подтверждает фундаментальный тезис о наличии в любых когнитивных моделях несводимого культурного (интерпретативного) компонента [Arnason, 1987: 448–449, 454]. Согласно Арнасону, претендующий на статус самостоятельной парадигмы цивилизационный анализ нуждается в адекватном понятии

культуры, которое бы уравнивало всеобъемлющую реляционную концепцию власти – основание фигурационной социологии.

В теории Элиаса сети власти основаны на контроле и зависимости от комбинаций ресурсов – экономических, военных, организационных и когнитивных. Противоположным «ресурсной» трактовке власти (которой придерживались также Э. Гидденс, П. Бурдьё, М. Манн и др.) является «интерпретативный» подход, который сосредоточивается на культурных определениях и воображаемом измерении власти [Arnason, 1989: 46]. Ш. Эйзенштадт стремился не устранить, а релятивизировать оппозицию агентности и социальной структуры, вводя в нее с этой целью в качестве самостоятельной третьей стороны культуру. По его словам, теоретические интенции современного цивилизационного поворота в социологии лучше всего могут быть поняты как стремление к обоснованию относительной автономии культуры в противовес любым версиям односторонних, материалистического или идеалистического толка, способов объяснения социальных феноменов [Eisenstadt, 1987: 605–606].

Эйзенштадт, отправляясь от тезиса Т. Парсонса об аналитической автономии культуры, ввел понятие «цивилизационное измерение человеческих обществ», определяемое через выделение двух взаимосвязанных аспектов: с одной стороны, «онтологических или космологических видений», иначе говоря, культурной интерпретации мира; а с другой – определения, разграничения и регулирования «арен», или институциональных сфер, социальной жизни [Eisenstadt, 2000: 2; Арнасон, 2012: 20]. При этом в соотношении интерпретативного и институционального аспектов цивилизационного измерения Эйзенштадт акцентировал моменты автономии и неопределенности. Особые культурные ориентации цивилизационных формаций не программируют институциональное устройство обществ; не детерминируют его и универсальные тренды социоструктурных изменений.

Третий цивилизационный теоретик – Арнасон ключевую проблематику цивилизационного анализа сфокусировал на отношении между культурой и властью, которые определяются им как «аналитически отдельные, но структурно взаимосвязанные компоненты социальной жизни» [Arnason, 2003: 5]. В социологической парадигме цивилизационного анализа метатеоретическая дилемма «автономизм vs конститутивизм» в решении категориальной дихотомии «культура/власть» конкретизируется как вопрос соотношения «цивилизационных паттернов» и «социальных фигураций» – ключевых понятий двух ее направлений. Наиболее важным связующим звеном между социальными фигурациями, представляющими собой сети отношений контроля и зависимости между акторами, и цивилизационными паттернами, понимаемыми как сочетание интерпретативных моделей и институциональных структур, выступают культурные интерпретации власти [Arnason, 1987: 447].

«Измерения» и «сферы» социальной жизни в цивилизационном анализе: анти-функционалистская альтернатива. Метатеоретическую дилемму конститутивизма и автономизма Арнасон переводит в онтологическую проблему соотношения «измерений» и «сфер» социальной реальности. Базовая социальная онтология, которой придерживается цивилизационный анализ, различает в социальной жизни три аналитических измерения: структурное, институциональное, интерпретативное; и три основные сферы: экономику, политику, культуру, выступающие соответственно доменами категорий богатства, власти и смысла [Arnason, 2003: 195–216]. Среди социологов есть разные теоретические позиции по вопросу соотношения между собой названных «измерений» и «сфер». В традиционных подходах социологии культуры, воспроизводящих эпистемологический стиль социологии как научной дисциплины, культуре отведена роль зависимой переменной, определяемой более «реальными» факторами. Цивилизационный же анализ представляет собой одну из версий «культурсоциологии» (в программном значении, приданном этому термину Дж. Александером), в которой культура выступает относительно автономным аналитическим измерением и независимой переменной, вносящей в формирование социальных практик и институтов «столь же важный вклад, как и более материальные и инструментальные силы» [Александер, Смит, 2013: 59].

Принимая предложенное Александером различие «сильной» и «слабой» программ социологического анализа культуры, Арнасон стремится не к противопоставлению, а к сопряжению этих двух подходов в рамках цивилизационного анализа. Для него цивилизационная парадигма в первую очередь является расширением и радикальной версией культурсоциологии, которая именно в таком качестве также способствует обогащению и развитию слабой программы, дополняя новыми аспектами, факторами и условиями социальный контекст культурных паттернов [Арнасон, 2021: 85]. При этом Арнасон, в отличие от Дж. Александера, М. Арчер, Дж. Олика, не пытается представить конститутивистскую и автономистскую метатеоретические позиции в отношении культуры как взаимоисключающие. По его словам, цивилизационный анализ как особенно амбициозный вариант сильной программы утверждает конститутивную роль культуры во всех областях и любых проявлениях социальной жизни, добавляя новые измерения к автономии культуры [Arnason, 2010: 67]. В отличие от Александера, Арнасон категорически отказался считать культуру только «измерением», но не «сферой» социальной жизни. Его подход заключается в рассмотрении культуры на двух взаимосвязанных уровнях: и как общего измерения, и как особого домена социальной реальности. В этом двойственном характере заключен, по его словам, «парадокс культуры». Задача теоретического анализа в том, чтобы его развернуть, не устранить [ibid.: 70].

Стратегия цивилизационного анализа как культурсоциологической парадигмы заключена в том, чтобы признавать примат культуры в социальной жизни и в то же время избегать культурного детерминизма. Культурные измерения социальной жизни в одних сферах выражены более непосредственно и отчетливо, чем в других, в некоторых случаях они явно проблематизируются и затемняются [ibid.]. Культурные определения способны придать автономное и даже доминирующее значение социальным аренам, которые не являются непосредственным доменом смысла. Так, с наступлением модерна экономическая и политическая динамика приобретают все более автономный характер. Но констатация данной тенденции не означает умаления влияния цивилизационных контекстов, поскольку культурные определения неизбежно входят в построение сфер экономики и политики [ibid.: 79]. Но «если власть всегда культурно определена, то верно и обратное: культурные паттерны поддерживаются властью» (перевод скорректирован) [Арнасон, 2017: 53]. Возникающие из этой обоюдоконститутивной взаимосвязи культуры и власти структуры и события не сводимы к отношениям односторонней детерминации – будь то программирующая логика культуры или каузальная сила власти. «Креативность культуры» и «продуктивность власти» противостоят редукционистскому детерминизму, тяготеющему к одному из полюсов культурно-властной дихотомии.

Эта общая обоюдоконститутивистская модель отношений между культурой и властью применима равно как к идеациональным, так и к социополитическим образованиям. При этом подчеркивается историческая обусловленность и вариативность взаимопереплетений культуры и власти. Так, обращение к истории революций позволяет провести разграничение между ситуациями, в которых превалирует острая борьба за власть, и ситуациями, в которых берут верх концентрированные выражения идейных воззрений. Для иллюстрации этого тезиса Арнасон приводит два эпизода из российской истории. Примером ситуаций первого типа служит Гражданская война, а ситуаций второго типа – сталинская «революция сверху», начатая в конце 1920-х гг. [там же: 55]. Таким образом, возможно говорить о различном удельном весе, коэффициенте проявленности культуры или власти в разных исторических и социальных обстоятельствах.

Реализуемый Арнасоном взаимоконститутивистский подход к проблеме отношения культуры с властью принципиально отличен от аналитико-автономистского решения Александера, который настаивает на строгом аналитическом отделении и независимом изучении культуры от социальной структуры и действия. Эйзенштадт в отличие от Александера использовал концепцию аналитической автономии культуры, чтобы релятивизировать отношение между двумя сторонами «цивилизационного измерения». И хотя он

уделял особое внимание роли культуры, в то же время неизменно подчеркивал ее соединение с институциональным аспектом и структурным контекстом социальной жизни. Арнасон целенаправленно усилил «реляционный» момент в соотношении культуры и власти, акцентируя их взаимопереплетение друг с другом. Но предварительно он восстановил баланс между двумя сторонами, исправив перекосы цивилизационных подходов Элиаса и Эйзенштадта в сторону власти или культуры соответственно.

Арнасон предлагает общую концептуальную модель соотношения трех обычно выделяемых сфер социальной жизни – экономики, политики и культуры. Согласно его общей методологической установке, построение концептуальной модели «должно начинаться с элементарных различий и двигаться к более сложным формам» [Arnason, 2020: 15]. Он подчеркивает несводимость друг к другу доменов категорий богатства, власти и смысла на уровне элементарных различий и в то же время их сродство при конституировании более сложных форм экономической, политической и культурной сфер социальной жизни. Таким образом, эта модель сочетает метатеоретические позиции аналитической автономии и взаимного конституирования.

Каждая из трех основных категорий – богатства, власти и смысла – соотносится с определенной сферой социальной жизни как своим доменом, но ни одна категория, с одной стороны, не исчерпывает полностью соответствующую сферу, с другой – не ограничивается исключительно ею. В каждой конкретной сфере социальной жизни на элементарном уровне обнаруживается неустранимость определяющей для данной сферы категории, а на самых высоких уровнях – ее неизбежные взаимосвязи с другими категориями. На элементарном уровне категории власти, смысла и богатства могут быть представлены как несводимые друг к другу модусы человеческой агентности: преобразовательность, креативность и продуктивность соответственно. На более высоких уровнях более сложные формы в экономической, политической и культурной сферах социальной жизни (например, деньги, государство или идеология соответственно) образуются сочетаниями всех трех категорий (рис. 2).

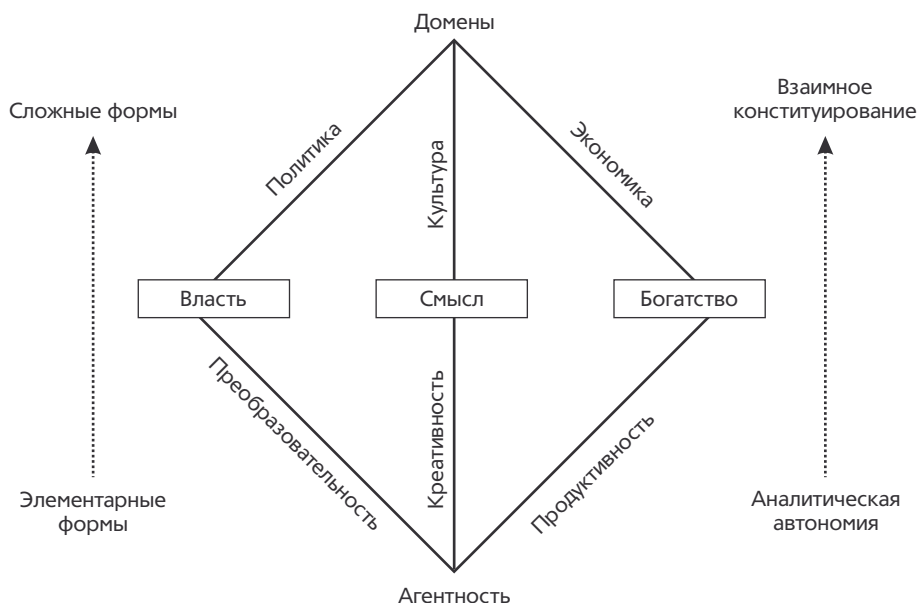

Рис. 2. Модель соконституирования сфер социальной жизни (на основе работ Й. Арнасона)

Таблица

Определения сфер социальной жизни в соотношении с измерениями социальной реальности

Универсальные измерения социальной жизни	Особые сферы (доменные категории) социальной жизни		
	культура (смысл)	политика (власть)	экономика (богатство)
Интерпретативное	Особые рамки опыта, интерпретации и воображения		
Институциональное	Альтернативные домены институционального строительства		
Социоструктурное	Относительно обособленные арены социальных отношений		

Вовлекаясь в пересекающие границы отдельных доменов взаимосвязи, категории богатства, власти и смысла «становятся ресурсами друг для друга и могут принимать особые формы в других сферах, помимо их основных» [там же]. Доменное для определенной сферы значение соответствующей категории, хотя и не устранимо на фундаментальном уровне, может затемняться на более высоких уровнях особыми формами, которые принимают в данной сфере другие категории, выходя за пределы своих доменов. Так, например, в безгосударственных обществах политический характер режима власти заслоняется, но не устраняется его религиозным самоопределением и приписыванием политической власти религии. В отношении ключевой для цивилизационного подхода категории смысла методологическим правилом является необходимость проведения различия «между артикуляциями, конституирующими собственно культурную сферу (область религиозных, философских и эстетических способов интерпретации), и более скрытыми культурными ориентациями, которые соконституируют формы богатства и власти» [там же: 17].

В ракурсе общих аналитических измерений отдельные субстанциальные сферы социальной реальности предстают: а) как особые способы присвоения, переживания и осмысления мира – в интерпретативном измерении; б) как взаимосвязанные, но в некоторой степени альтернативные домены институционального строительства, фокусирующиеся на категориях смысла, власти или богатства, – в институциональном измерении; в) как социальные фигурации (относительно обособленные сети отношений взаимозависимости социальных акторов) – в социоструктурном измерении (см. таблицу).

Цивилизационные формации различаются способами артикуляции и организации отношений между экономической, политической и культурной сферами социальной жизни, а также масштабом и направлением автономного развития, допускаемого для каждой из них. При этом возникающие в каждой сфере социальной жизни взаимопереплетения категорий богатства, власти и смысла, а также всеохватывающие конфигурации паттернов экономической, политической и культурной сфер на разных уровнях социальной реальности – от социального (национального) до глобального – являются производными от контингентных «исторических тенденций и контекстов, а не системной или эволюционной логики» [там же]. Построенная Арнасоном на основе цивилизационного подхода модель соконституирования сфер социальной жизни представляет собой концептуально наиболее разработанную альтернативу функционалистским и системным теориям общественной дифференциации в современной социологии.

Заключение. Цивилизационный анализ предлагает гораздо более радикальную трансформацию дисциплинарной социологической проблематики, чем это изначально допускают противоположные друг другу метатеоретические стратегии автономизма (Дж. Александер, М. Арчер) и конститутивизма (П. Бурдьё, Э. Гидденс). Каждая из них для решения агентностно-структурной проблемы вводит соответственно категории культуры или власти по отдельности друг от друга. Цивилизационный анализ сводит эти две линии метатеоретической реконцептуализации, фокусируясь на отношении между культурой и властью, что помещает его в центр современных социологических дебатов. Разработанный Арнасоном конститутивистский подход к проблеме отношения культуры и власти создает основу консолидации в рамках формирующейся парадигмы цивилизационного

анализа интерпретативно-институционального подхода теории цивилизационных паттернов и процессо-реляционного подхода фигурационной социологии. При этом ядро цивилизационного анализа как самостоятельной исследовательской программы составляет плюралистический подход, ориентированный на идентификацию в социоисторической реальности цивилизационных паттернов, воплощающих особые культурные перспективы.

Однако связь цивилизационной дихотомии «культура/власть» с понятийной дистинкцией «агентность/социальная структура» не столь очевидна, чтобы по умолчанию восприниматься конститутивной для социологического дискурса. Может создаваться впечатление подмены одной эпистемологической проблематики другой, что несет угрозу когнитивной идентичности социологии как научной дисциплины. Отторжение цивилизационного подхода возникает на уровне категориальных схем мышления и ценностных приверженностей. В академической среде сторонники использования понятия цивилизации во множественном числе подозреваются в политической ангажированности, склонности к консерватизму, граничащем с ксенофобией. С точки зрения строго научных критериев, отчужденное отношение чаще всего выражается в суждениях о нерелевантности цивилизационной тематики предметному полю социологии как научной дисциплины.

В этой реакции на понятие и термин «цивилизация» проявляется социологический габитус, длительная история становления социологии как интеллектуальной традиции и научной дисциплины, «инкорпорированная» (П. Бурдьё) ее современными представителями. До сих пор существующая проблема прижизнения научного статуса понятия цивилизации во многом является следствием сопровождавших подъем социальных наук и все еще сохраняющихся концептуальных разрывов «социального» с «политическим» и «культурным». В современном цивилизационном анализе понятия культуры и власти трактуются предельно широко, при этом сохраняются сильные коннотации первого с религией, второго – с государством, причем в форме империи. Религиозно-политическая взаимосвязь сохраняет ключевое значение для определения феномена цивилизаций [Arnason, 2014: 17], что выводит его за рамки ортодоксального социологического анализа, сосредоточенного на современных и модернизирующихся обществах. Социологический дисциплинарный дискурс строился на основе разрыва религиозно-политической взаимосвязи с последующим вытеснением религии и политики на институциональную периферию современных обществ. Социология сформировалась с идеей ограничения политического волюнтаризма социальной закономерностью и представлением о всеобъемлющем процессе рационализации, одним из аспектов которого является секуляризации публичной сферы. Сфера политического внутри обществ подвергалась все большей юридикации и менеджериализации. В конце XX в. эти устоявшиеся представления социологии о модерне были поставлены под сомнение. Вопрос взаимодействия религии и политики, культуры и власти стал предметом дискуссий, в которых понятие цивилизации заняло видное место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии: Элементы структурной герменевтики // Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. С. 56–94.
- Арнасон Й. Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 18–29.
- Арнасон Й. Революции, трансформации, цивилизации: пролегомены к переориентации парадигмы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 5. С. 37–69.
- Арнасон Й. Культурный поворот и цивилизационный подход // Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: НЛО, 2021. С. 84–109.
- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2005.
- Йоас Х., Кнебель В. Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб.: Алетейя, 2011.
- Конрад С. Что такое глобальная история? М.: НЛО, 2018.
- Масловский М.В. Цивилизационный анализ Й. Арнасона: советская модель модерна // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2012. № 3. С. 346–360.

- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005.
- Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.
- Титаренко Л.Г. Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Йохана Арнасона // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 80–95.
- Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т. I. М.: НЛО, 2011.
- Шубрт И. Индивидуализм versus холизм: о попытке преодоления теоретического дуализма // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2013. № 1. С. 34–64.
- Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
- Arnason J.P. Figurational Sociology as a Counter-Paradigm // *Theory, Culture & Society*. 1987. Vol. 4. No. 2–3. P. 429–456.
- Arnason J.P. Civilization, Culture and Power: Reflections on Norbert Elias' Genealogy of the West // *Thesis Eleven*. 1989. Vol. 24. No. 1. P. 44–70.
- Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 387–405.
- Arnason J.P. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Arnason J.P. The Cultural Turn and the Civilizational Approach // *European Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 13. No. 1. P. 67–82.
- Arnason J.P. The Religio-political Nexus: Historical and Comparative Reflections // Arnason J.P., Karolewski I.P. (eds) *Religion and Politics: European and Global Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 8–36.
- Arnason J.P. Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation // *Social Imaginaries*. 2015. Vol. 1. No. 2. P. 146–176.
- Arnason J.P. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. L.: Rowman and Littlefield, 2020.
- Eisenstadt S.N. Macrosociology and Sociological Theory: Some New Directions // *Contemporary Sociology*. 1987. Vol. 16. No. 5. P. 602–609.
- Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // *Thesis Eleven*. 2000. No. 1. Vol. 62. P. 1–21.
- Elias N. *What is Sociology?* N. Y.: Columbia University Press, 1978.
- Olick J.K. What is "The Relative Autonomy of Culture"? // Hall J.R., Grindstaff L., Lo M.-Ch. (eds) *Handbook of Cultural Sociology*. L.; N. Y.: Routledge, 2010. P. 97–108.
- Smith J. *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press, 2017.

Статья поступила: 25.09.23. Финальная версия: 05.02.24. Принята к публикации: 31.03.24.

CIVILIZATIONAL TURN AND METATHEORETICAL RECONFIGURATION IN CONTEMPORARY SOCIOLOGY

BRASLAVSKIY R.G.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Ruslan G. BRASLAVSKIY, Cand. Sci. (Sociol.), Deputy Director for Science, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (r.braslavsky@socinst.ru).

Acknowledgements. The research was funded by the grant of RSF, project No. 23-18-01067.

Abstract. The article offers a reconstruction of contemporary sociological theory, which gives a central position to civilizational analysis. In the late 20th century, attempts to solve the agency-structure problem led to the formation of a new metatheoretical dilemma of "mutual constitution vs. analytical autonomy", which overshadowed the traditional dilemma of individualism and holism. The constitutivist solution removed the agency/social structure dichotomy in the relational conception of power, while the autonomist solution mediated it by relying on the analytic conception of culture. The civilizational turn brings together these two lines of metatheoretical reconceptualization of sociological problematic, focusing on the relation of culture and power to each other. The model of the relationships between "dimensions" and "spheres" of social life developed within the sociological version of the civilizational approach combines the metatheoretical positions of analytical autonomy and mutual constitution.

Keywords: civilizational analysis, contemporary sociology, analytical autonomy, mutual constitution, culture, power.

REFERENCES

- Alexander J.C., Smith Ph. (2013) The Strong Program in Cultural Sociology: Elements of a Structural Hermeneutics. In: Alexander J.C. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow: Praxis: 56–94. (In Russ.)
- Arnason J.P. (1987) Figurational Sociology as a Counter-Paradigm. *Theory, Culture & Society*. Vol. 4. No. 2–3: 429–456.
- Arnason J.P. (1989) Civilization, Culture and Power: Reflections on Norbert Elias' Genealogy of the West. *Thesis Eleven*. Vol. 24. No. 1: 44–70.
- Arnason J.P. (2001) Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*. Vol. 16. No. 3: 387–405.
- Arnason J.P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.
- Arnason J.P. (2010) The Cultural Turn and the Civilizational Approach. *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. No. 1: 67–82.
- Arnason J.P. (2012) Making Sense of Civilizational Dynamics: Introductory Remarks. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 15. No. 6: 18–29. (In Russ.)
- Arnason J.P. (2014) The Religio-political Nexus: Historical and Comparative Reflections. In: Arnason J.P., Karolewski I.P. (eds) *Religion and Politics: European and Global Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 8–36.
- Arnason J.P. (2015) Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation. *Social Imaginaries*. Vol. 1. No. 2: 146–176.
- Arnason J.P. (2017) Revolutions, Transformations, Civilizations: Prolegomena to a Paradigm Reorientation. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i culture* [Untouchable reserve. Debates on politics and culture]. No. 5: 37–69. (In Russ.)
- Arnason J.P. (2020) *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. London: Rowman and Littlefield.
- Arnason J.P. (2021) The Cultural Turn and the Civilizational Approach. In: Arnason J.P. *Civilizational Patterns and Historical Processes*. Moscow: NLO: 84–109. (In Russ.)
- Conrad S. (2018) *What is Global History?* Moscow: NLO. (In Russ.)
- Eisenstadt S. N. (1987) Macrosociology and Sociological Theory: Some New Directions. *Contemporary Sociology*. Vol. 16. No. 5: 602–609
- Eisenstadt S.N. (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven*. Vol. 62. No. 1: 1–21.
- Elias N. (1978) *What is Sociology?* New York: Columbia University Press.

- Elias N. (2001) *Society of Individuals*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Giddens A. (2005) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Joas H., Knöbl W. (2011) *Social Theory. Twenty Introductory Lectures*. St Petersburg: Aleteija. (In Russ.)
- Maslovski M.V. (2012) Johann Arnason's Civilizational Analysis: The Soviet Model of Modernity. *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih discipline* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Disciplines]. No. 3: 346–360. (In Russ.)
- Nietzsche F. (2005) *The Will to Power. An Attempted Transvaluation of All Values*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. (In Russ.)
- Olick J.K. (2010) What is "The Relative Autonomy of Culture"? In: Hall J.R., Grindstaff L., Lo M.-Ch. (eds) *Handbook of Cultural Sociology*. London; New York: Routledge: 97–108.
- Olick J.K. (2012) Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated on the German Case. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 11. No. 1: 40–74. (In Russ.)
- Shnirelman V.A. (2011) *"The Threshold of Tolerance": The Ideology and Practice of the New Racism*. Vol. I. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Smith J. (2017) *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.
- Šubrt J. (2013) Individualism versus Holism: An Attempt to Overcome Theoretical Dualism. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2013. No. 1: 34–64. (In Russ.)
- Titarenko L. (2022) Eastern Asian Modern in the Civilizational Concept of Johann Arnason. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25. No. 2: 80–95. (In Russ.)

Received: 25.09.23. Final version: 05.02.24. Accepted: 31.03.23.